6. *Стенограмма — Сталин, «Иван Грозный»: Запись беседы И. В. Сталина, А. А. Жданова и В. М. Молотова с С. М. Эйзенштейном и Н. К.Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 г. [Электронный ресурс] / [источник] : Марьямов Г. Сталин смотрит кино. — М. : Киноцентр, 1992. — С. 83—94. — Режим доступа : http://just-hoaxer.livejournal.com/30827.html. — Загл. с экрана.*

УДК 78.03 : [78.072.2+78.071.4](477.54)

Ирина Польская

МУЗЫКАНТ И ЕГО ВРЕМЯ (из неопубликованных писем С. С. Богатырёва к Л. И. Фаненштилю)

Предлагаемый вниманию читателя текст – продолжение начатой автором ранее [1–2] публикации находящихся в её семейном архиве материалов эпистолярного наследия Семёна Семёновича Богатырёва, а именно – переписки этого знаменитого общественного деятеля, учёного, композитора и педагога с его коллегой – одним из создателей харьковской пианистической школы, профессором Харьковской консерватории Людвигом Иосифовичем Фаненштилем. Оба выдающихся музыканта – особенно первый из них – вряд ли нуждаются в представлении, тем более в Харькове, где большинство музыковедов и композиторов – воспитанники С. С. Богатырёва и его учеников, а пианистов – музыкальные «внуки» и «правнуки» Л. И. Фаненштиля! Обоих связывала многолетняя искренняя дружба, основанная на глубоком взаимном уважении и симпатии, общности мировоззренческих, художественно-эстетических и морально-этических принципов, а также на определенном сходстве личностного типа.

Оживлённая доверительная переписка между С. С. Богатырёвым и Л. И. Фаненштилем, ставшая особенно частой и содержательной после переезда Семёна Семёновича в Москву, продолжалась в течение почти полутора десятков лет, отражая внутреннюю потребность обоих её участников в общении и превратившись в константу их духовного бытия.

Целью статьи является ознакомление музыкальной общественности с материалами этой переписки, публикующимися *впервые* (что определяет особую актуальность и научную новизну работы) и дающими чрезвычайно живое и яркое, личностно окрашенное представление о событиях послевоенных сталинских лет, обсуждаемых их очевидцами и непосредственными участниками, и общей атмосфере общественной и музыкальной жизни того времени.

Из писем Богатырёва (в частности, публикуемых их фрагментов) вырисовывается живой, «необронзовевший» человеческий образ их автора – с его высокой личностной и профессиональной этикой, художественными и гражданскими представлениями, с его повседневными житейскими делами и заботами, – образ, возникающий на фоне яркой и достаточно цельной картины советской жизни второй половины 40-х – первой половины 50-х гг. XX в. Словно и впрямь слышится серьёзный, иногда ироничный, иногда взволнованный голос Богатырёва – голос общественного деятеля и музыканта, рассуждающего о состоянии и характере художественной жизни тех лет, о событиях в Московской и Харьковской консерваториях, о композиторском творчестве, педагогическом процессе и системе научной аккредитации, о материальных проблемах (денежной реформе 1947 г., зарплатах, пенсиях); голос благородного, честного и порядочного человека, дающего весьма жёсткую моральную оценку действиям как официальных властей, так и многих своих коллег из музыкального мира; голос доброго друга, то повествующего о личных (семейных, творческих, служебных) проблемах, житейских радостях и заботах, то живо интересующегося жизнью своего старого товарища и поддерживающего его в трудные минуты.

Итак, слово С. С. Богатырёву.

30.XII.47. «Дорогой Людвиг Иосифович, поздравляю Вас и Ваших домочадцев с новым годом. Не люблю я этот праздник: на вопрос, сколько вам лет, придется отвечать уже не 57, а 58. Ну, что же тут хорошего?

Как Вы пережили денежную реформу? Я чувствительно пострадал, хотя спекуляцией никогда не занимался. Я потерял более 20 т., большую часть которых – из-за Музгиза, который выписал мне в окончательный расчёт крупную сумму, но не заплатил вовремя, а теперь уплатит одну десятую.

Словом, никогда не надо ничего откладывать: я целый год собирался купить что-нибудь из мебели (ведь у нас даже стула своего нет), шапку, радиоприемник и др. Теперь придётся снова ожидать, пока заведутся деньги.

У нас в консерватории новостей нет, всё как-то серо, неинтересно. Есть потери: в один месяц умерли 2 профессора-вокалиста – Аспелунд (сердце) и Аскогенский (сыпной тиф). У Игумнова появилось злокачественное перерождение крови (растёт количество белых шариков и при том катастрофически), Гольденвейзер упал на улице (тротуары не чистят) и получил небольшое сотрясение мозга. А новых работников нет. Как ваше здоровье? Я продолжаю скрипеть, лечусь, но пока из строя не выходил».

25.V.49. «Дорогой Людвиг Иосифович, ... последнее письмо Ваше несколько расстроенного тона, обычно же у Вас хватает настроения или умения делать вид, что всё в порядке. Разразившаяся буря быстро улеглась, весь вопрос – надолго ли. Может подуть ветер с совершенно другой стороны, и опять начнётся. <...> С пенсией дело так. Говорят, что она лопнула в последней инстанции. Этому надо верить. Теперь поговаривают, что будет два сорта пенсии: 600 р. в месяц для фигур всесоюзного значения и 300 р. – для фигур местного значения. Так что Вы будьте довольны, что вам платят 500 р., т. к. нам в РСФСР, как Вы знаете, платят 300 р. По поводу закрытия ХГК я ничего не знаю. Когда я спрашивал о возможности закрытия четырёх консерваторий (помните, я писал Вам) [2], то получил ответ уклончивый: «Это ещё даже не обсуждалось в Сов. Мин.» Значит, кто-то представление делал. <...> У меня остались занятия только по сочинению, т. е. один день в неделю. Следовательно, я разгрузился основательно. Поговаривают, что запрещены приёмные экзамены весной и что они будут с 1 авг. Таким образом, у кого-то лето будет испорчено. Вы видите, что стрижка под одну гребёнку усиливается, а ведь было время, когда нам удавалось доказать, что эта операция, кроме вреда, ничего не даёт».

[Без даты. Штамп: 21.XI.49]. «Дорогой Людвиг Иосифович, я безобразно неаккуратен в переписке со всеми. Смешно сказать, но я опять болел. На сей раз – обострение моей аритмии, и я даже пропускал занятия. Но это, конечно, не мотив. Однако, одно за другое цепляется... А если принять во внимание, что я вот уже 3 недели исполняю обязанности декана, то станет понятным, почему у меня не оказалось лёгкой возможности вовремя отвечать на письма. Согласился я на деканство временно, без приказа

и зар. платы, чтобы посмотреть, в какой мере это выбивает меня из колеи и мешает выполнять свою личную работу. Пока, к удивлению, я не могу сказать, что деканство очень меня обременяет. Возможно, что когда приблизится экзам. сессия, дело обернётся иначе. А если будет объявлена очередная травля под каким-нибудь высоким лозунгом, тогда, может быть, я почувствую всю прелесть админ. работы. Но, думаю, моё временное и. об. меня спасёт».

18.II.50. «Дорогой Людвиг Иосифович, мне писал М. С. Хаз. о том, что Вы болеете. <...> Так ли это? Как Вы себя теперь чувствуете? Тема для разговоров не очень увлекательная, но ничего не поделаешь. В том возрасте, какой у нас, всё чаще приходится возвращаться к ней, и это, конечно, раздражает. Болеть невыгодно по ряду причин: 1) – матерьяльно, так как за время болезни платят не полностью; 2) – прекращается работа с учениками, которые, хотя и сочувствуют своему учителю, но втайне задают себе вопрос – до каких же пор я буду без руководства и не перейти ли мне к другому педагогу; 3) – потому что болеть вообще тяжело.

У нас новых каких-нибудь фокусов пока нет. Главное внимание дирекции направлено на физкультуру, так как в приказах министерства поминают МГК как неисправное уч. заведение. Поэтому можно не ходить на специальность, и никто тебе слово не скажет, а как только не пришел на физкультуру – изволь объясняться. В концерты по-прежнему ходить нельзя, так как программы упорно долбят одно и то же. Говорят, что немцы объявили международный конкурс исполнителей в связи с 200-летием со дня смерти Баха. Может быть, это оживит несколько репертуар и не позволит ограничить этот юбилей одним концертом, как предполагали раньше».

2.XI.50. «Дорогой Людвиг Иосифович, поздравляю Вас, а также и всех Ваших домочадцев, с праздником. Больше двух месяцев прошло с тех пор, как мы виделись <...>. Всё время я был очень занят рецензированием чужих работ. Это чрезвычайно неинтересная и трудная работа, но так как она идёт теперь в счёт научной, то ею заниматься есть смысл, чтобы сохранить за собой право на оплату своих собственных работ со стороны Музгиза. Вы ведь знаете, что запланированная по консерватории работа в случае её издания оплачивается не полностью, а минус 4 печ. листа, которые считаются нормой для консерватории и ею оплачиваются в виде зараб. платы. Поэтому желательно урезывать свои обязательства по своей собственной работе, а заполнять свою норму

рецензированием, оппонированием и т. под. делами, которые теперь предусмотрены прейскурантом. А со вчерашнего дня я уже не декан, поелику эта должность теперь упразднена. Таким образом, я несколько дней буду свободен, а с числа 9-го начну готовиться к оппонированию по одной полукомпозиторской диссертации».

29.XII.50. «Дорогой Людвиг Иосифович, поздравляю Вас с наступающим Новым годом и прошу передать моё поздравление Мар. Ис., Ляле и Нине[1]. Что желать Вам? Я думаю, что верхом благополучия было бы сохранение того status quo, который был и есть теперь. Однако я склонен считать, что на это шансов мало. По крайней мере здесь. Уже кое-чего нельзя купить, появились длиннейшие очереди. Но, впрочем, трудно сказать, как всё обернется. Может быть, и наладится со временем.

О харьковских делах я знаю всё со слов приезжающих и отчасти из писем. Знаю, что Тица опять не утвердили зав. каф., хотя всё было, казалось бы, подготовлено к тому, чтобы утвердить. По-видимому, продолжают действовать старые причины, как ни удивительно. Но о Вас ничего не знаю. ... Короче, Вы ещё зав. или нет? Дело Скловского ещё не рассматривалось в ВАКе. Оно стояло на повестке заседания эксп. комиссии, но заседание это не состоялось из-за отсутствия кворума. Простому смертному сейчас трудно с успехом пройти через ваковскую Сциллу и Харибду. Если пройдет эксп. ком., то это ещё очень мало. Не понял я, что это за муз. словарь пианиста. На кого он рассчитан? Если это учебник, он должен быть серьёзнее, глубже, интереснее, чем то, что есть в московских учебниках. Но едва ли в Харькове можно рассчитывать на то, что не так уж удаётся и в Москве. Ведь и матерьялов, и опыта писательского у харьковских авторов нет. Поэтому я с Вами согласен в оценке этой затеи.

В последнее время я как-то отстал от продуктивной работы и даже до сих пор не могу выбрать себе тему на 1951 год. Такую тему, которая соответствовала бы тематике пятилетнего плана и была бы мне по силам. Много времени уходило на чтение чужих работ, на всякого рода прослушивания, связанные с концертами из произведений наших студентов и пр. Только что окончился фестиваль новой музыки, приходилось тоже ходить. Думаю, что в связи с экзаменационной сессией буду свободнее».

---

[1] Марианна Исидоровна – жена Л. И. Фаненштиля, Ляля (Анна Людвиговна) и Нина – их дочери.

18.I.51. «Дорогой Людвиг Иосифович, спасибо за интересное письмо. Немедленно отвечаю, так как лежу больной и ничем заниматься не могу. Новый год начался неудачно. Я рассчитывал с 4 янв., после экзамена по полифонии, начать барский образ жизни, может быть, даже поехать на неделю куда-нибудь (занятия по сочинению можно сгруппировать на один день). На самом деле как раз 4 янв. я заболел гриппом и болею до сих пор. Сейчас осложнение на уши и новая вспышка гриппа с отвратительным самочувствием. Я не только никуда не поехал, но и не был в состоянии довести до конца поиски темы по научной работе на 1951 г.

Я, конечно, знаю только в общих чертах то, что происходит в ХГК, и Вы знаете, конечно, больше. <...> Ничего не знаю и о Лен[2]. консерватории. Слышал, что там была ревизия и что в проекте резолюции этой комиссии первая фраза гласит приблизительно следующее: “За 25 лет ЛГК не выпустила ни одного выдающегося музыканта”. О работе Моск. конс. в области ф-п методики я узнаю всё, когда встану. <...> Поздравьте Мар. Ис. от меня с Вашим новым семейным событием – замужеством Ляли. Получить талантливого зятя, который может забить гвоздь, – не фунт изюму. У меня положение хуже: врач только что определил воспаление среднего уха, нужно срочно лекарство, а послать некого, так как Ал. Георг. больна сама гриппом. Такой печальной сентенцией и позвольте закончить».

19.II.51. «Дорогой Людвиг Иосифович, Ваше письмо от 2.II весьма характерно: оно почти целиком посвящено консерваторским делам. Очевидно, атмосфера в ХГК продолжает накаляться, несмотря на то, что борьба и соперничество могли, казалось бы, уже надоесть. Неужели людям не хочется отдохнуть? Неужели нет более интересных объектов для приложения своей энергии? Или этой энергии слишком много? А где же критика и самокритика? Значит, нельзя указывать на недочёты и упущения в научных работах? Но ведь таких работ, без ошибок, не бывает. Пока у нас ещё можно говорить о недостатках наших собственных работ. Были случаи, когда целые готовые книги размером в 15 печ. листов, а не всякие Шумки и Думки, самим автором забирались обратно после рецензии и обсуждения на кафедре. Может быть, это и неприятно, но ничего не поделаешь. Кстати, Вы спрашивали, что делается здесь в области методики ф-п. игры. Я говорил с Николаевым, возглавляющим этот

[2] Ленинградской.

участок, и узнал, что уже давно (месяца два назад) вышла книга “Очерки по методике ф-п. игры”. А раз так, то Вы, вероятно, её знаете и уже прочли. Я её видел в магазине. Стоит, кажется, 8 р. 50 к. В ней статьи Николаева, Любомудровой и Рабиновича. Готовят теперь вторую часть. А вот как идёт “словарь пианиста”?

Приблизительно две недели назад я уже стал выходить, но окончательно восстановить свои силы мне удалось только теперь. Да и то сомневаюсь, удалось ли. Я только что возвратился из Рузы, где пробыл пять дней. Это учреждение Музфонда, представляющее собой образец недопустимой в эпоху всяческой экономии расточительности. Судите сами: одному человеку дают целый домик в три комнаты, шикарно обставленных. Таких домиков среди дремучего леса 12, а всех отдыхающих человек 15–16, не больше (некоторые живут с семьями). Живут бесплатно, если обяжутся показать результаты своей работы, что сделать, конечно, не трудно, пользуются полнейшим снабжением вплоть до лыжных костюмов, лыж и валенок, не говоря уже о прекрасном питании. Я, правда, жил за деньги и всего 5 дней, а не два месяца, как другие. Теперь я снова окунулся в работу, но так как я за недостатком помещений в консерватории занимаюсь дома, то никого не вижу и мало знаю, что у нас происходит. Знаю, что вчера умер старый виолончелист Ямпольский, брат скрипача, воспитателя вундеркиндов».

28.XII.53. «Дорогой Людвиг Иосифович, целый месяц прошел со времени получения Вашего письма, а я только теперь выбрал время ответить. Сразу навалились две большие работы по Чайковскому (симфония Es-dur, текст которой я восстанавливаю, и академическое издание второй симфонии в двух редакциях), которые надо было завершить к сроку, поэтому я от всего отстал. Изредка ходил только слушать новые произведения Шостаковича (4 и 5 квартеты, 10-я симфония). Другие как-то ничего нового не пишут и не показывают. Всё же сезон этого года интереснее прошлых. В репертуар стали попадать вещи, давно не исполнявшиеся, появились чужеземные музыканты. Не все они хороши, но – “хоч гірше, аби інше”. Завтра играют в оркестре (раньше играли на рояле) 10-ю Шостаковича. Репетиции обставляются конспиративно, двери запираются, никого не пускают, билеты почти не продаются. Дирижёр, говорят, волнуется – что-то будет. Я не знаю, к чему всё это устраивают. Ведь если разрешили исполнять, то учли всё, в том числе и то, что эта симфония есть рецидив музыки до 48-го года. Значит, уже можно и такую музы-

ку писать. В Ленинграде её исполняли 17 дек., причём автор выходил кланяться 18 раз. Посмотрим, что будет здесь, и как звучит эта музыка в оркестре. Во всяком случае, снова стало трудно преподавать. В течение последних 5 лет был определённый критерий доброкачественности музыки, опирающийся на авторитетный документ. Этим критерием измеряли музыку, как измеряют качество товара, и этим занимались даже те, кто хоть имеет мало отношения к музыке, но занимает руководящее положение. Теперь критерий потерял свою определённость, поскольку публично играют вещи, с точки зрения этого критерия не очень надёжные. Заметна уже тенденция менять вехи у некоторых деятелей. Я прекрасно помню, как один деятель в феврале 1948 г. говорил по поводу увольнения формалистов: “Их надо наказывать”. Полчаса тому назад он хвалил новую симфонию Шостаковича. Симптоматично, что радио сообщает о первом исполнении этой симфонии; об анафеме и помину нет. Ну, как тут не сказать, что у нас теперь в голове полный сумбур, и мы не знаем, что к чему. <...> Что касается Вашего вопроса, получил ли я орден Ленина, то, по-моему, Вы попросту кокетничаете тем, что живёте отшельником и ничего не знаете. Ведь газеты-то Вы читаете и с людьми встречаетесь».

14.II.54. «Дорогой Людвиг Иосифович, меня долго мучила совесть в связи с тем, что я Вам не отвечаю. Наконец, в прошлое воскресенье я решил Вам написать – и опять не удалось, не помню уж, – почему. А тут и второе Ваше письмо подоспело, но, как видите, пришлось ждать следующего воскресенья. Вы не представляете, насколько я загружен. Я поставил себе второй стол и на него кладу всё, что надо читать, и теперь на нём целая гора книг, диссертаций, нот, бумаг. Ничего не успеваю делать. Последние дни должен был изучать одну отвратительную диссертацию, и не потому, что я оппонент, а потому, что я председатель совета факультета, на заседании которого в пятницу эта диссертация защищалась, и потому должен был быть в курсе дела, чтобы иметь возможность выводить на чистую воду очковтирателя. Это хлопотливо и небезопасно. Словом, для себя ничего сделать не могу».

15.III.54. «Завидую Вам: у Вас тишь, да гладь, да божья благодать. А мне приходится воевать по поводу диссертаций и наживать врагов. В этом году особенно много диссертаций, а ещё больше предстоит их слушать в наступающие месяцы. Самое неприятное – это то, что мне приходится с ними знакомиться, так как все кандидатские диссертации

подлежат утверждению в Совете консерватории после того, как они пройдут защиту в совете факультета, где я председательствую».

30.V.54. «Дорогой Людвиг Иосифович, отвечаю тотчас же по получении Вашего письма. Безусловно, надо подавать заявление на конкурс по замещению должностей профессоров. Это раз. Второе: почему Хаз. как зав. каф. в конкурсе не участвует? Он должен участвовать в конкурсе на замещение должности зав. каф. У нас этот конкурс предшествовал конкурсу на замещение должностей профессоров. Думаю, что и у вас будет тот же порядок. И вот, если конкурс на замещение должности зав. каф. ещё не проходил, а только будет проходить, то, по-моему, Вы должны подать заявление прежде всего на должность зав. каф. А если Вы подадите, то конкурс для Хазан., хочет он этого или нет, будет обязательным. Таким образом, Вы должны подать два заявления, одно – на проф., второе – на зав. каф. Я удивляюсь, что никто не подаёт заявлений на зав. каф. <...>.

У нас конкурс прошел так. Все педагоги спецклассов ф-п сохранили свои места. При этом: на должность зав. каф. и профессоров никто из посторонних заявлений не подавал. На замещение должностей доцентов и ассистентов были заявления и от посторонних лиц, но они никакого успеха не имели. Таким образом, конкурс свёлся к выполнению формальностей: от добра добра не ищут. Иначе будет обстоять дело в кл. общего ф-п. Там много посторонних претендентов (всё это я знаю как член конкурсной комиссии ф-п. фак.; у нас в конкурсную комиссию не входит ни один из представителей ф-п. фак.). <...> На пенсию Вы всегда успеете перейти, пока же надо не опускать рук и не складывать оружия».

14.VII.54. «Дорогой Людвиг Иосифович, поздравляю Вас с благополучным окончанием конкурса. Судя по вашему прошлому письму, Вы сами не были уверены в том, что всё обойдётся благополучно. Наоборот, мне казалось, что Вы подозревали дирекцию в том, что она нарочно “выпросила” всего три профессорские ставки, желая Вас сделать жертвой конкурса, т. е. – избавиться от Вас. Правильно я Вас понял? Откровенно говоря, я сам начал беспокоиться за Вас, когда увидел <...> бегающие глаза Хазановского и его молчание после возвращения из Харькова. Для меня неожиданным оказался финал конкурса – отчисление Скловского и Горовиц: я думал, что их позиция прочная, в особенности Скловского в связи с его связями в МК и других организациях».

27.II.55. «Дорогой Людвиг Иосифович, в своем письме от 26 дек. Вы свою неаккуратность в переписке объясняете ленью, которая мешает Вам делать всё вовремя. Я думаю, что лень – ленью, а некоторая потеря сил тут тоже имеет значение. Я это знаю по себе. И хотя у меня больше хлопот, чем у Вас, и если я как-то успеваю, то это делается через силу. В результате на необязательные вещи не хватает времени. Я безобразно долго не отвечал Вам. За эти два месяца прошло много всяких дел и отвлекающих от переписки делишек – экзаменационная сессия, огромная издат. нагрузка, теперь уменьшившаяся, подготовка к трём концертам факультета, смутившее мой покой выдвижение меня в депутаты Моск. Областного Совета, поездка в санаторий на целых 12 дней в феврале и связанная с этим последующая перегрузка занятиями после возвращения и, наконец, работа по заданию Музгиза, висевшая надо мной с весны. Теперь надвигаются новые хлопоты. Вышел в свет проект нового устава ВУЗов. В нём нового мало. Говорили-говорили, что директоры будут выборными, а на деле всё осталось по-старому: они “выдвигаются” (неизвестно кем) и утверждаются министерством. Изменилось лишь название: ректор. Выборность рискнули распространить только на деканов, чего раньше, правда, не было».

22.XII.55. «Дорогой Людвиг Иосифович, я сижу на защите диссертации о сюите для скрипки Танеева[3], и так как меня уже давно мучает то, что я Вам не пишу, то я решил написать теперь же, не видя впереди такого удобного случая. Ведь выбрать время для чего-то внеочередного почти невозможно. Если бы я Вам стал перечислять всё то, что мне приходится делать, то Вы сказали бы: “Ну, зачем Вам всё это? Бросьте, и всё будет хорошо”. Однако, не так-то легко бросить, так как помимо забот и огорчений работа ещё и интересна. Сколько работ приходится читать, и в каждой есть нечто новое. Сколько музыки приходится прослушивать, и в каждой пьесе тоже есть чему поучиться, даже если она написана неопытным студентом. Да и самому не хочется бросать свою работу. В этом году я, наконец, закончил оркестровку симфонии Эс-дур Чайковского в 4 частях и теперь жду исполнения, которое должно состояться в феврале. Словом – кручусь.

[3] Письмо написано на последних (чистых) страницах автореферата кандидатской диссертации Горохова.

Как Вы себя чувствуете? Я всё время получаю сведения из Харькова и знаю, что Вы по-прежнему работаете, хотя я прекрасно помню, что Вы жаловались мне на спазмы, которые мешают Вам ходить. Значит, не мешают? Не собираетесь ли в Москву на каникулы? Я должен был приехать в Харьков на смотр творчества композиторов, но сумел отбиться. А в то же время, кроме развлечения и даже отдыха, такая поездка ничего не дала бы, но потом пришлось бы отдавать все долги, которые образовались бы во время поездки, и вышло бы хуже. Другие, однако, с этим не считаются и разъезжают постоянно. Я нахожу, что надо рискнуть и начать летать: тогда поездки не будут отнимать много времени. <...>

Мне поручили подготовить ко 2 изданию «Подвижной контрапункт» Танеева. Когда же дело дошло до того, чтобы приступить к работе, то оказалось, что наша полиграфическая база настолько упала за последние 30 лет, что мы не в состоянии печатать эту книгу: нет соответствующих шрифтов, и надо заново заказывать многие наборные знаки для всякого рода цифр, стрелок, схем и т. под. По-видимому, так и не удастся её переиздать, если не обратятся за помощью в другие страны. А ведь сам Танеев уже приступил к подготовке 2 издания, значит, в его время это было возможно».

«Дорогой Людвиг Иосифович, если судить по Вашему почерку, то у Вас орлиное зрение и железная рука: кто бы мог сказать, что Вы читаете с трудом и должны останавливаться, идя по улице? Скорее по моему неуверенному почерку и кривым буквам можно предположить, что меня не слушаются руки, и что вообще я в расслабленном состоянии. А между тем я верчусь как заведённый и даже сегодня, на третий день каникулов, занимался всякими делами, связанными с консерваторией и не связанными с ней. Я нахожу, что Вы посвящаете педагогической работе больше нормы: 4 дня в неделю по 6 ч., т. е. 24 часа, тогда как норма – до 20 часов. Почему так получается?

О мероприятии, посвященном 185-летию Бетховена, могу сказать, что оно заслуживает поощрения, и что в Москве филармония устраивает нечто подобное: будут исполнены все симфонии и ф-п. концерты. Дирижирует Зандерлинг, солист – Гилельс. В консерватории о чём-либо подобном не слышно. Моцарта помянули постановкой «Свадьбы Фигаро» в оперной студии и в Большом театре. Я был в Б. театре и от четырёхчасового сидения ужасно устал. Трудно выслушать штук двадцать похожих друг на друга арий и быть свидетелем перманентной вампуки. Остаётся только любоваться роскошными костюмами и красивым оформлением.

Послезавтра мы поедем на 6 дней в Рузу – вот весь мой отдых. О пенсиях ничего не знаю. Если бы было что-нибудь новое и притом хорошее, об этом кричали бы на весь мир. Следовательно, всё остаётся по-старому, либо ухудшилось, о чём у нас, конечно, не пишут».

28.V.56. «Дорогой Людвиг Иосифович, ... не знаю, что Вам приходится делать сверх своей классной работы, а у меня уйма всяких забот. ... Словом, не хватает времени, чтобы везде успевать. Я до сих пор не имею возможности отдохнуть днём, как это делают некоторые, напр., Шапорин. Как Ваше здоровье? “Орлиное” зрение? Сердце? Силы? Есть ли у Вас телевизор? Или радиоприёмник? Нам предстоит скоро, по-видимому, переезжать на новую квартиру, чему я не рад. Дом уже готов, ждут приёма его комиссией и разрешения на заселение. Хотя у нас теперь нет газа и всех современных удобств, тем не менее я не жду от самостоятельной квартиры, находящейся в идеальном месте (в самом центре, два дома от телеграфа на ул. Горького в тихом Брюсовском переулке), ничего привлекательного. Только больше хлопот всяких. Теперь мы живём за семью барьерами, рядом вход в Б. зал, где ежедневно идут интересные репетиции. И дома, и в концерте – таких удобств нигде не будет. Будьте здоровы, кланяйтесь от нас всем Вашим домочадцам. Ваш С. Богатырёв».

Вскоре по получении этого письма Л. И. Фаненштиля не стало…

Подведём краткие итоги. Приведённые выше фрагменты из писем С. С. Богатырёва отражают сложную и противоречивую социально-политическую и психологическую атмосферу советской культурной жизни послевоенного сталинского периода. Многие сокровенные мысли и чувства музыканта, нашедшие выражение в его дружеской переписке с Л. И. Фаненштилем, безусловно, не могли стать достоянием публики при жизни обоих корреспондентов. Очевидно, однако, что высказывания С. С. Богатырёва отражают эмоции и умонастроения не только самого автора, но и большинства лучших представителей тогдашней советской творческой интеллигенции. Думается, что включение публикуемых текстов писем в современный музыкально-культурологический контекст поможет лучше прочувствовать характер давно ушедшей эпохи, осмыслить её взлеты и падения, истину и ложь, глубже задумавшись о том, какие ещё пласты неведомой нам духовной и творческой жизни скрываются под покровом забвения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Польская И. И. С. С. Богатырёв о музыкальной жизни Харькова и Москвы конца 40-х – начала 50-х годов (из неопубликованного наследия) / И. И. Польская // С. Рахманинов: на зламі століть : зб. ст. — Х. : НЮАУ, 2006. — Вип. 3. Культура України в контексті європейської культури. — С. 201—212.

2. Польская И. Харьковская консерватория в музыкальном и социокультурном контексте конца 40-х – начала 50-х годов (из неопубликованных писем С. С. Богатырёва к Л. И. Фаненштилю) / И. И. Польская // Проблеми взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти : зб. наук. пр. / ХДУМ ім. І. П. Котляревського ; відп. ред. І. С. Драч; ред.-упоряд. Л. І. Шубіна. — Х. : Кортес, 2006. — Вип. 18. Мистецтво та освіта сьогодення. — С. 40—56.